

ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ, ТАК БЫВАЕТ!

АЛЕКС БОЛЬЦАНО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Больцано

Дышите глубже, так бывает!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70844404
SelfPub; 2025*

Аннотация

Что делать, если ты случайно упала в водопад «Виктория» и как достать оброненное в Марианскую впадину обручальное кольцо?

Что делать, когда проснулась Кундалини и больше не хочет спать? Сомнения в том, что вы сможете похудеть, сменить работу, найти или избавиться от мужа, улететь на Луну, испарятся сразу после прочтения этой книги.

А после прохождения нашего курса «Магический марафон мечтаний» (или просто МММ) о развитии личностного роста и раскрытия внутреннего потенциала ваши сомнения испарятся одновременно с вашими денежными переводами. Подписывайтесь скорее! Шлите переводы и грузите апельсины бочками!

Приключения в большом мегаполисе двух взрослых, но так и не повзрослевших закадычных друзей не смогут оставить вас равнодушными.

Усаживайтесь поудобнее. Мы начинаем!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	53
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алекс Больцано

Дышите глубже, так бывает!

Эту книгу я посвящаю своей любимой жене.

Дорогая Наташа!

Если бы не ты, не твоя неустребимая тяга к саморазвитию и самосовершенствованию, не твои неисчислимы подписки на всех инфоцыг... на всех светил личностного роста в полузапрещённой сети – эта книга никогда не смогла бы появиться...

Любимая жена! Только благодаря тебе у Природы есть шанс на спасение, у гуру личностного роста – возможность вести свои вебинары с Бали, а у меня – перспективы для написания чего-то путного в тишине.

Люблю тебя!

Раннего Цыпкина я рекомендую при запорах, мигрени и осенней депрессии. Весёлый жизнерадостный смех очень хорошо помогает как своевременному опорожнению желудка, так и раскрашиванию осенней питерской ипохондрии в отличные от мрачно-серого краски. С осторожностью применять на поздних сроках беременности, при хронической желчи на нашу своеобразную российскую действительность и поносах.

Поздний Цыпкин хорошо идёт зимними

морозными вечерами, когда черный Джонни Уокер провоцирует пофилософствовать о жизни, вспомнить детство, утреннее какао с пенкой в детском саду, тёплый приятный ручей, растекающийся по животу во время «тихого часа», сопровождаемый каким-то неосознанным беспокойством; вспомнить отломанное Колькой колесо от зеленого железного грузовичка, которого они тогда не поделили, сидя на таких же железных горшках. А Колька, паразит, развалился сейчас в кресле напротив, лакает вискарь, отмораживается и ничего не помнит...

(из творческого диспута питерских интеллектуалов о лучших современных литераторах где-то в пыльной рюмочной на улице Марата)

Глава 1

– Сколько будет дважды два?

– А сколько надо?

– Вообще-то, пять.

– Ммм... Этот результат потребует масштабирования клиента на рост внутренних потребностей адвоката. Концептуально это возможно, если иное не следует из договора или закона. Но об этом мы позаботимся.

(Из серьёзного разговора юриста и клиента перед судеб-

ным заседанием).

«В большом имперском городе М было так много чиновников и денег, что, казалось, люди в России рождались только затем, чтобы приехать в город возможностей, стать чиновником или активистом общественной организации, побороться с коррупцией, может быть, даже немного отсидеть за неё, попутно срубить чуток денег и вернуться в новую провинцию где-нибудь под Барвихой или Жуковкой» – именно так начали бы свой бессмертный опус Ильф и Петров, живи они в наши дни.

Ан нет. Почему-то в России люди рождались в основном для того, чтобы однажды в понедельник сесть в рейсовую маршрутку в Родниках и поехать в далёкую М, постоять там на МКАДе, ругаясь в холодное окно на выруливающие на встречу чёрные членовозы членов разных дум, думавших о России всё воскресное разгуляево на даче. Затем наконец въехать в М, потолкаться в пробке на Третьем Кольце, громко матерясь в запотевшее стекло на мигалки слуг народа и на гайцов, принципиально не желающих стоять вместе с чернозёмом в нескончаемой пробке. Пожелать доброго пути хитрожопым водителям, несущимся по обочине на «мерсах» и «бомбах», а потом пытающимся нагло влезть обратно, чтобы наконец ещё через пару часиков добраться до работы своей мечты.

С неделю без отдыха покидав там кирпичи и цемент на

стройке, поработав семь двенадцатичасовых смен на фабрике, выложив семь квадратных километров кафельной плитки, покрасив фасадов домов в Люберцах размером с два футбольных поля, спустя неделю недоумённо вернуться в родной Урюпинск с десятью тысячами в кармане.

Ещё в городе возможностей было много нефтяных компаний любых цветов: красно-белых, жёлто-чёрных, сине-красно-чёрных, зелёно-красных и даже бирюзовых. Не было только синей. Ей этот город был не по вкусу. Но вопросы предпочтений нефтяных компаний мало волновали Витю Приставкина, хотя он работал в одной из них. В маленькой такой нефтяной компании, расцвеченной всеми цветами радуги, как ирокез на рассвете.

Пробка на Ярославском шоссе, за выходные так и не пришедшая в себя после сумасшедшей рабочей недели, встревоженно дышала нервными бросками автомобилей из одной полосы в другую.

Мысли Вити, застрявшего там на два часа, были далеко. Перед его глазами стояло предстоящее локальное землетрясение в офисе, то есть плановые вопли градоначальницы их департамента Чебриковой Валентины Константиновны, в служебной переписке – ЧВК, а в народе почти ласково – Вагнерши.

Начальницей департамента закупок, в котором с понедельника по пятницу бездарно терял время Приставкин, была энергичная дама, разрываемая неустрашимыми противо-

речиями собственной значимости и величия по рабочим дням, вечной молодости и обаяния – по выходным, и неприятного разочарования – в моменты ознакомления со своими паспортными данными.

Этот злосчастный паспорт содержал обманчивую информацию о владелице, совсем не соответствующую возрасту её души. За обложкой скрывалась её свежая фотография, по которой бронезилет и кевларовый шлем выдают сразу, без заполнения в анкете адреса о пересылке праха. Это было ужасно.

Сегодня был суровый понедельник. Значит, Вагнерша после вчерашнего активного времяпровождения будет не в духе. И Витя хорошо понимал, что Валентина Константиновна сегодня с утра будет заниматься боевой подготовкой личного состава ЧВК «Вагнер» в полях, то есть в опенспейсе, в полном объёме. От армейских тягот, получается, папа сына не отмазал.

А значит, сегодня ЧВК Витю поимеют. Во-первых, за то, что он опаздывает уже на полчаса. А во-вторых, в контракте, который Витя делал накануне в пятницу вечером, они изволили найти какие-то ошибки.

Извержение Везувия в аудиосообщении в ватсапе длилось одну минуту и девять секунд и закончилось так же внезапно, как и началось. Ни здрасьте тебе, ни до свидания. Приставкин знал, что это был лишь разогрев. Основная часть Мерлезонского балета ждала его в офисе.

Через сорок минут, вырулив с Олимпийского проспекта на парковку возле офиса, Приставкин констатировал факт, что все парковочные места, включая места для инвалидов, были заняты его дисциплинированными коллегами. Места для инвалидов обычно и занимались инвалидами – ментальными. В этом Приставкин был глубоко убеждён. В качестве наглядного подтверждения его мыслей на первом инвалидном месте отсвечивала солнце белая «БМВ» Х5 ЧВК. На втором – синий «Мини Купер» СпецНаза, или Светланы Назаровны, начальника отдела закупок услуг общего профиля, непосредственной начальницы Приставкина.

Бросив свою неумытую «Короллу» за автозаправкой, Приставкин, пригнувшись, прошмыгнул через стеклянные двери офиса.

В опенспейсе, как обычно, гремела канонада. При постановке задач СпецНаз активно употребляла терминологию, обычно используемую только в армии. Уже по её внешности можно было понять, что в женскую сборную по армрестлингу она попала бы без отборочных соревнований. СпецНаз уже с девяти утра обрабатывала траншеи отдела словами, которыми сержанты подымали в бой залёгшие под артобстрелом роты. Самым интеллектуальным из этих слов было «грёбаные беспозвоночные». Для вчерашних студентов МГУ и МГИМО особенно трудной была трансформация поставленных СпецНазом задач с языка рабочих окраин на язык хотя бы школьных сочинений, заваливших ЕГЭ.

Сами моллюски и насекомые с умным видом безуспешно пытались прятаться под мониторами, обложившись распечатками своих «якобы срочных заданий». Но жалкая защита членистоногих – «работы в два раза больше стало», «я и так вчера в полдевятого домой ушёл» – разносилась прицельными очередями Светланы Назаровны: «Работать не умеете! Откуда вас только понесли?!»

– Вы – красивый. Спасибо, что говорите все идти ко мне, – сказал ей в прошлом году стажёр-студент китаец Нау Хунь. СпецНаз покраснела и следующие пять дней, пока длилась стажировка китайца, молчала. А для Нау Хунь даже улыбалась. Но с окончанием стажировки возобновились и артобстрелы опенспейса.

– Привет, Валер! Как дела? – прошептал Витя Валере Зелёнкину, по-пластунски пробравшись к рабочему месту и незаметно включив свой монитор.

– Нормуль. А то сам не видишь, – Валера из окопа не высовывался и остервенело стучал по клавиатуре.

Витя осмотрелся. Слева от него невозмутимо подкрашивала ресницы Леночка Свербиль.

– Лена, привет! – Витя подобострастно кивнул соседке. Лена была слишком занята, чтобы отвлекаться от своего занятия. Пачка документов на её столе была не разобрана с прошлой среды.

В департаменте закупок царила строгая иерархия подчинённости, заимствованная у гиен. Что мы знаем о гиенах?

То, что они бегают, ржут, троллят львов и неуважительно относятся к джентльменам. Эти основные постулаты в полном объёме были использованы представителями департамента закупок, являющимися наиболее известными и уникальными представителями семейства *Crocuta crocuta*. В этом сообществе самкам принадлежит главенствующая роль, они крупнее и агрессивнее самцов. Гренадёрша Вагнерша и круглая как пушечное ядро СпецНаз в полном объёме подтверждали эту справку из Википедии.

Иерархия в группах гиен строго определена, и даже самка с низким рангом будет доминировать над самцами с высоким рангом. Одна из наиболее необычных особенностей пятнистых гиен, то есть первых самок департамента, – это их половая анатомия. Но об этом вы более подробно сможете прочитать в многочисленных статьях, предварительно загрузив «физиология гиен смешно».

Единоначалие этого табуна обеспечивала альфа-самка – ЧВК. Задачей королевы стаи было восходить раз в неделю на Олимп на одиннадцатый этаж к Великим самцам, то есть на Правление. Там обитали Великие самцы, носившие разноцветный нимб – Член Правления. На Олимпе следовало улыбаться приторной улыбкой на заседаниях и тереться во круг этих Членов так, чтобы они были ею довольны. Если Члены были удовлетворены ею и её отчётом, то предназначение главной гиенихи на этой грешной земле было выполнено. По крайней мере до следующей недели.

Вторыми в таблице о рангах гиен закупок были начальницы отделов в её департаменте и её ближайшие подружки по сплетням и бессмысленному трёпу обо всех и обо всём – Светик и Вероничка, а для спящих по опенспейсу насекомых – Светлана Назаровна и Вероника Сергеевна. Или, что ближе к истине, СпецНаз и ВС (под ВС, конечно, подразумевались Вооружённые Силы). Они же следили за выполнением задач прайда и соблюдением дисциплины стадом ведущих и главных специалистов, а на самом деле безмозглых ракообразных.

Следующими в иерархической лестнице были рядовые самки отделов и вчерашние студенты. Жрицы стаи иногда их покусывали в профилактических целях, чтобы не забывали, кто тут главные. Но достаточно в умеренных объёмах.

Последними замыкали социальную пирамиду департамента закупок самые бессмысленные существа стада – самцы. В департаменте их было трое – Валера Зелёнкин, Тёма Потякин и Витя Приставкин. Им сгружались самые объёмные или самые бессмысленные с точки зрения результата задачи. Их первыми вздёргивали королева гиен и её помощницы в случае каких-то проблем в стае, плохого настроения, туманного промозглого утра или просто наступления месячных.

Положение Валеры и Тёмы усугублялось тем, что они были женаты, это и предопределяло их последние позиции в таблице о рангах департамента.

При этом все главные гиенши, обладавшие прямо космическим сомнением относительно своей внешности, никогда не были замужем. По правде говоря, им это не светило, несмотря на то что они были «фантастически красивы», как не забывали напоминать им более удачливые в этом вопросе молодые самки департамента. ЧВК, СпецНаз и ВС регулярно по пятницам отжигали в «Красной Шапочке» Тарзана и периодически встречались с атлетическими красавцами. За деньги, конечно. Но получали их не они.

Рядом послышался рёв приближающегося СпецНаза, которая гиперзвуковым «Кинжалом» непредсказуемо носилась по опенспейсу.

Валера принял вид автоматической печатной машинки.

Лена, вздохнула, убрала тушь, взяла в руки первый лист с большой пачки договоров и попробовала его прочитать.

Приставкин попытался превратиться в улитку и спрятаться под листами техзадания к договору. Оперативная обстановка ухудшилась, когда из кабинета вышла ЧВК и обрушилась системой залпового огня «Смерч» на позиции отдела.

– Кто занимался договорами поставки бурового оборудования на Усинское месторождение? – рвануло рядом. Зона поражения вплотную приблизилась к Приставкину, на столе которого вторую неделю валялись эти документы.

– Пипец! – с сочувствием прошептала печатная машинка.

– Я ошибся с приоритетами и в первую очередь занимался другими документами, – пролепетал практически труп Витя,

который на самом деле просто ничем не занимался.

Руки Вити который уже день никак не могли дотянуться до этих бумаг. Вечно что-то мешало – то недопитый американо, то не разложенная до конца «Косынка» на компе, то неотвеченные сообщения в чате «VK-Знакомства», то просто другие тупые договоры, подготовленные коллегами из юридического департамента, совершенно непонятные для нормального вменяемого человека. Раздражающие договоры. Неужели нельзя по-русски всё написать, человеческим языком? Всё это мешало настроиться на полноценный рабочий лад.

Поняв, что насильственное соитие неизбежно, Витя постарался расслабиться, чтоб получить удовольствие. Неожиданно в трёх шагах от Вити у Вагнерши зазвонил телефон.

– Да, Андрей Александрович! Слушаю вас, – елейная паточка потекла по устам кротости Валюши Константиновны. Она резко развернулась и засемила в кабинет.

– Никогда не говори «я ошибся», – печатная машинка вновь превратилась в Валеру Зелёнкина, небрежно откинувшегося на кресле. – Лучше скажи: «Символические парадигмы данного договорного документа не соответствуют моему восприятию востребованной бизнес-подразделениями концепции договорной конструкции как части всей экосистемы инвестпроекта».

– Ага, умник! Сам Вагнерше это скажи. Достало, – устало протянул Витя. – В принципе, я нормально отношусь к

поездкам на работу. Но ждать восемь часов, чтобы поехать домой, – это реально утомляет.

– Согласен, – подтвердил Валера. – Пойдём за кофе.

– Иногда мне кажется, что я занимаюсь какой-то хренью, – продолжил философские рассуждения Витя, вернувшись от вендингового аппарата с кофе. – Но потом вспоминаю, что мне за это платят зарплату, и сразу становится легче.

«Раскрываю главный секрет, как я стал долларовым миллионером», – вдруг услышал Витя слева. Он скосил глаза налево. Леночка Свербиль уже забросила глупый контракт обратно в дальний угол стола и внимательно слушала в инсте¹ выступление очередного доктора денежных наук по диссертации «Как заработать свой сотый миллион»:

«...Вот я иногда смотрю на человека и вижу. И человек умница, что-то старается, что-то пробует, но денег нет, денег – три копейки. И тогда я его спрашиваю:

– Скажи, ты денежные медитации делаешь?

– Делаю, – отвечает он.

Ну, понятное дело, делает. Сейчас ни на одну приличную работу без них не возьмут.

– Хорошо. А красная нитка у тебя есть?

– Тоже есть.

– А денежная жабка есть?

– Есть.

¹ Компания Meta, а также её продукты Facebook и Instagram признаны экстремистскими в России.

Всё у человека есть, кроме мозгов и денег. А так всё прекрасно.

– А ну покажи свою денежную жабку.

И показывает он обычно вот такую бздюрку размером с кулачок новорождённого. Ну смешно, реально. А вот мою денежную жабу я вёз из магазина в багажнике минивэна со сложенными задними сиденьями. Ещё вопросы есть?

Так вот, решить свой финансовый вопрос вы можете, только приобретя достойную вас жабу за достойные для меня деньги по ссылке внизу. А по промокоду «Архип Птолемеев» вы получите не только трёхпроцентную скидку, но и мой новый курс по специальной цене!»

Витя с уважением посмотрел на Лену, вздохнул и поплёлся к своему рабочему месту.

Желание разбогатеть с детства томило Приставкина. Несмотря на то, что он рос в состоятельной семье, карманные деньги Приставкину-младшему перепали в весьма умеренном количестве. Очень умеренном.

Его папаша, сделавший хорошее состояние на нескольких застройщиках, безвестно канувших вместе с деньгами дольщиков в начале нулевых, исходил из принципа, что деньги развращают. Поэтому весь удар разврата в своей бурной

молодости, пришедшейся на загульные девяностые, папашка принял на себя, проводя в борделях и ночных клубах всё свободное от бизнеса и семьи время. Дети подрастали. И в нулевые Приставкин-старший вернулся в лоно семьи. Теперь он вёл исключительно благочестивый и пуританский образ жизни.

Папаша вместе с маленьким Витей даже как-то ходили в детский театр на «Карлсона, который живёт на крыше». Весь спектакль папа внимательно изучал с помощью театрального бинокля Малыша, которого играла маленькая худенькая девушка с короткой причёской и маленькой, но выразительной грудью. Это казалось Вите, мечтавшему сходить в кино на «Человека-паука», невообразимо скучным. Но папа, разглядывая через бинокль Малыша, сказал, что дети должны «расти интеллектуально, театром», а не тупой видеожвачкой.

Однажды папа с Витей в спорткостюмах пробежались до ближайшего парка на физзарядку. Всю непродолжительную пробежку они бежали за какой-то девушкой в обтягивающих чёрных лосинах.

– Папа, а почему ты всё время смотрел на попу той тётки? – поинтересовался маленький Витя у папы, когда через двести метров тот закончил свой марафонский кросс.

– А куда мне смотреть, груди-то у неё впереди, – папа никак не мог отдышаться.

– Что? – не понял Витя.

– Ничего. Заканчиваем, с пробежками, говорю.

После этого на долгие годы со спортом было покончено.

И у папаша, и у Вити.

Иногда Василий Иванович даже проверял задачи по математике у своего отпрыска, незаметно подсматривая ответ в конце учебника. Внимательно, строго хмурия брови, слушал Витин пересказ «Ландон из зэ кэпитал оф Грэйт Британ». Впрочем, с таким же успехом он мог бы слушать и китайский, и албанский.

Витя быстро просёк это и периодически гнал полную пургу в «пересказе» текста по английскому. Приставкин-старший вдумчиво кивал. После этого он выдавал своему продуманному чаду карманные деньги на следующий день. Сопровождалось это фразой:

– Витя, будь бережлив с деньгами, – слово «бережлив» он выделял особенно.

– Да, папа, – кивал маленький Витя, пересчитывая медяшки, и засовывал их в карман поглубже.

Первым шагом в большой бизнес Вити была анонсированная его закадычным другом Арчи Галушкяном сдача стеклотары. После последнего звонка по окончании четвёртого класса Арчи авторитетно объявил:

– Витя, мы перешли в среднюю школу. И теперь взрослые. Можем зарабатывать самостоятельно. Будем сдавать бутылки.

– А где их брать? – заморожённо смотрел на своего ма-

ленького предводителя толстячок Витя.

– А где хочешь. Теперь мы взрослые и можем на жвачку «Дональдс» зарабатывать сами.

Каждая бутылка стоила два половиной рубля. При этом радостей в начале нулевых у ребятни было уже хоть отбавляй. Но за крутые чипсы «Лэйс» нужно было сдать десять бутылок. Столько же – за банку волшебной Кока-Колы. Билет на только что вышедшего «В поисках Немо» обходился в нереальные двадцать пять бутылок. В поисках волшебной тары прочёсывались кусты в тёмных парках, где прятались целующиеся парочки, пропахивались брошенные стройки, где по вечерам вели длинные беседы местные бомжи, проверялись все придомовые мусорные бачки.

Парк в Сокольниках никогда не был в такой чистоте, как после набегов этой орды. Работяг возле «Пятёрочки», которые сбивали пробку в купленной бутылке пива о бетонный парапет, Витя презирал. После такого открывания пива на горлышке появлялись сколы и бутылку не принимали в пункте приёма стеклотары. Алкаши, сгрызающие её зубами, вызывали у него заслуженное восхищения. Особенно когда они презентовали свою тару молодым бизнесменам. Он попросил маму покупать ему «Дюшес» или «Тархун», которые ещё продавались в отстойных стеклянных бутылках, а не крутую «Колу» или «Пепси». Мама радостно согласилась.

Но результаты не вселяли оптимизма. Особенно удручал Приставкина его папа. Лику Приставкина-старшего до-

ма завидовали праведники. Набожные старушки на лавочке у подъезда крестились. Остановившие агнца за превышение скорости сотрудники ДПС смиренно возвращали его водительские права, вложенные в удостоверение депутата Мособлдумы, безо всякой мзды. Нимб никогда не покидал его – ни в четырёх домашних стенах, ни в рабочем «мерседесе» народного избранника.

Поэтому бутылки дома появлялись редко. С точки зрения выхода на новую орбиту бутылочного бизнеса папа был полностью бесперспективен. Ну, может быть, на Новый год или на день рождения отца проскочит пара бутылок вина, и всё. Витя очень жалел, что его отец был трезвенник.

«Ну почему, – думал Витя, – у всех отцы как отцы – нормальные. А мой вот что – не может пива вечером выпить? Мне бы нормального папу, глядишь, я бы сразу разбогател!»

То ли дело друг Арчи Галушкян. У него папа бухал много и самозабвенно. К вопросу подходил креативно. Его многочисленные эксперименты с «Гжелкой» и «Балтикой 3» оставляли широкое поле для реализации Галушкяном-младшим использованной его предком стеклотары. На сложный микс «Столичной» и домашнего армянского коньяка, который мало чем отличался от обычной самогонки, непременно водружалась «Сибирская корона», которая являлась торжеством вечернего объединения на кухне духа всех россиян.

В итоге за лето Галушкян-старший набухивал столько, что к концу лета Арчи уже легко мог сходить в «Макдо-

нальдс» и угостить гамбургерами своего друга Витю, которому этот вредный, по мнению его мамы, для детского здоровья фастфуд, мог только сниться.

Витя с Арчи закрыли свой бизнес, лишь когда в последний день лета они были взяты с поличным мамой Приставкина в тот момент, когда они инспектировали мусорный бачок в соседнем доме.

У мамы случилась истерика. Потом вечером эту истерику мама донесла до вернувшегося с работы папы. С первого раза папа не проникся должным образом. Маме пришлось повторить для папы более доходчиво на повышенной мощности и более высоких частотах. К удивлению Вити, в этот раз он был не нарушителем, а жертвой. Окончательно капитулировавший перед мамой папа после этого в течение двух месяцев выдавал Вите тройную сумму карманных денег.

Понятно, что вечно это счастье продолжаться не могло. Через полгода вечером папа маме объявил, что у него некоторые проблемы с бизнесом и положительное сальдо баланса его компании просело на несколько десятков миллионов.

Что в таких случаях делает настоящий бизнесмен? Правильно! Нужно урезать расходы на маникюр жены и школьные завтраки. Конечно, кэшфло по расчётному счёту фирмы сразу оживится. Что и было сделано. Попытка восстания супруги была подавлена горестным вздохом главы семейства, что «в наше непростое время всем нужно подтянуть ремни. Денег нет, но мы будем держаться». А Витю вообще никто не

спрашивал. Он просто получил свои карманные опять в три раза меньше с назидательной фразой: «Шиковать в школе не будем. Мы такие же россияне, как и все».

Глава 2

Если не учить физику в школе, то вся твоя жизнь будет наполнена чудесами и волшебством, Гарри Поттером и Игрой Престолов.

(полезный лайфхак поколения Пенси)

Арчибальд Галушкян, по словам его папы, являлся прапра-правнуком армянско-подданного Абгар Ашот Санта Ахавни Бендеряна, который прожил яркую жизнь на хуторе близ Диканьки. Именно он, по словам его папы, явился прообразом пасечника Рудого Панько.

По свидетельству некоторых туманных очевидцев, Абгар Бендерян был лично знаком с Гоголем, которого в минуты совместного употребления горилки просто звал Коланом, или – поутру, опохмелившись, уважительно – Гогол-джан. Их затяжные вечерние посиделки на хуторе Абгарчика, куда Николай Васильевич ходил бабочек ловить и галушки трескать за двухлитровым бутылем горилки, в итоге оказали решающее влияние на их будущее.

Однажды по утрам не протрезвевший Бендерян состриг свою гриву, оставив куцый хвостик, который он назвал оселедцем, заявился к кошевому атаману и заявил о концептуальном превосходстве горилки из «картопли» над трёхзвез-

дочным армянским коньяком. Атаман с тезисом, что «сало и галушки – это базис нашей ментальности», спорить не стал.

Так с лёгкой руки войскового писаря он стал Галушкяном. Через год женился на племяннице атамана, с которой они произвели на божий свет много весьма хитрож... предприимчивых темноволосых горбоносых хохлят, впоследствии заполонивших всю Мало- и Великороссию.

Ну, а мрутик² Гогол тогда просто сбежал в Петербург спасать свою печень, где удачно тиснул в местной типографии рассказы Абгарчика, бессовестно заменив его на Рудого Панько.

Такую душещипательную историю часто рассказывал папа своему маленькому Арчи, когда они стояли в углу. Маленький Арчи – за то, что опять принёс со школы двойки, а выпивший папа – за то, что с полочки не принёс ничего.

Мальчик рос. Арчибальду очень не нравилось его имя – Арчибальд. Может, в этом не было ничего такого, если бы полностью не звали его Арчибальд Матвеевич Галушкян. От этой какофонии страдали все. Стоило Галушкяну только громко полностью представиться, как у экзаменатора по русскому языку выпадала из рук ручка, шофёр маршрутки съезжал в кювет, девушка брала своё «да» назад и начинала одеваться, а любой интеллигентный человек в пенсне изрекал: «Да ну нафиг, блин» только в более народном варианте.

² Мордашка (арм.)

Папа у Арчибальда в молодости был филологом. Специалистом по древнегерманской словесности и англистике. Он настолько увлёкся этой темой, что ещё молодым защитил диссертацию и написал три работы, которые тиснул в журналах «Вопросы тверского филоловедения» и «Вестник пермского филолога», где всё-таки согласились его напечатать.

К сожалению, это увлечение оказалось серьёзным. Ухудшало положение то, что Матвей Галушкян английский и немецкий языки знал только со словарём. С очень толстым словарём. Что, в принципе, не мешало вести ему безответную переписку с научными коллегами в западной Европе.

С начала девяностых папа Арчибальда работал на овощном рынке. Основные филологические вопросы днём на работе не выходили за рамки оценки спелости и цвета привезённых с оптовой базы англиканских «tomato» и древнероманских «pomodoro», а на деле турецких помидоров. А вот вечером дома вся семья была вынуждена прослушивать лекции о «*lycopersici Susceptibility*».

В молодости на это особо никто не обращал внимания. Он даже свою супружницу Марию Ивановну звал не иначе, как кровавой Мари Тюдоровной, когда она изымала чекушку, припрятанную им для освобождения души от оков консорт-королевы Галушкян. В гастрономе, передавая кассиру бутылку тёмной «Балтики», он просил пробить «балтийского красного эля».

Положение стало тревожнее, когда он выяснил, копаясь

в публичной библиотеке, тайну имени «Арчибальд». Оказалось, что оно имеет древнегерманские, а не англиканские корни. Об этом он с kloкочущим сердцем объявил своей беременной благоверной Мари Тюдоровне за семейным ужином. Та традиционно проигнорировала научное открытие супруга, лишь поинтересовавшись, принёс ли он денег с работы.

Возмущившись меркантильностью своей супруги, Матвей Сидорович на повышенных тонах сообщил, что, к её сведению, данная именоформа является двухсоставной: первая часть «арчи» означает «настоящий», а вторая «бальд» – «храбрый». Таким образом, толкование мужского имени на древнегерманском – «храбрец, смелый воин». И Англия, где это имя было очень распространено в девятнадцатом веке, тут ни при чём!

Его научное открытие имело далеко идущие последствия.

Во-первых, вскоре родившегося сына он назвал, несмотря на все протесты Тюдоровны, Арчибальдом.

Во-вторых, иностранные коллеги по переписке, как обычно проигнорировавшие его филологический прорыв (или нарыв?), были посланы им далеко на кириллице с помощью Почты России.

А в-третьих, сам филолог был послан кровавой Тюдоршей на рынок работать, «как все порядочные люди».

Так тридцать лет назад Арчибальд Матвеевич Галушкян

начал свой непростой путь на этой планете. Вдобавок ко всему «смелый воин» был тщедушен, мал ростом, отвагой не отличался, но был достаточно хитрожоп, поэтому в школе постоянно мутил какие-то темы.

Вторым бизнесом (после сдачи бутылок) заматеревших к седьмому классу бизнесменов была доставка продуктов для соседей. Первым делом они разделили сферы влияния. Шикарный дом у парка «Сокольники», где проживало семейство Приставкиных, был зоной интересов Приставкина младшего. Покосившаяся хрущёвка, где снимали однушку Галушкяны, – зоной влияния Галушкяна.

Дело не заладилось сразу же. Приставкина сдал отцу первый же неродившийся в соседе клиент. Отцу-депутату, уважаемому в доме человеку, было очень неудобно. Состоялся серьёзный разговор с сыном. Неожиданно перепала тройная сумма на карманные расходы в обмен на клятву, что Витя никогда так делать больше не будет.

У Галушкяна тоже было не айс. Постоянный контингент советского образца экономной архитектуры шестидесятых не понимал, как это – платить деньги ребёнку за доставку продуктов. Семидесятилетняя глуховатая Владлена Никитична со второго этажа решила, что Арчи – командир тимуровцев, помогающих пенсионерам, и отказывалась слышать что-то про причитающееся вознаграждение.

Единственным клиентом Арчи стал бухающий Коля и его компания, весело и задорно отмечавшие уже второй день

взятия Бастилии в однушке на первом этаже его трущобы. Снаряды у бойцов подходили к концу. Несмотря на то, что российские пролетарии набрались под завязку, они здраво понимали, что в таком состоянии выходить на улицу опасно. Засада голодных до денег недоброжелателей в фуражках бдела в пункте ППС и находилась в ста метрах через дорогу.

Собрав пожелания заказчиков, не отличающиеся разнообразием: «Возьми-ка, малец, бухла побольше», – Галушкян на велике примчался в «Пятёрочку». Загрузив две сумки «Балтикой», «Старым мельником», «Гжелкой», двумя булками хлеба, кое-как запихнув туда палку докторской и синюю курицу, Арчи с трудом вырулил на дорогу.

Мысли разделить ходку на две части не было.

Лень – это святое наше национальное чувство. Мы им дорожим и никому его не отдадим. Мы не вернёмся за зонтиком, если немного закапало. Ведь мы уже прошли сто метров от дома. Мы не подыдем уроненную обёртку от жевательной резинки, а будем долго запинывать её поближе к мусорке. Лень идти к стоматологу подлечить возникший кариес. Лучше через полгода с ошалелыми от боли глазами помчимся удалять зуб.

Арчи с трудом крутил педали старого велосипеда, на руле которого тяжело позвякивали две тяжеленные сумки, по разбитой асфальтовой дороге. Улыбаясь, Арчи уже подсчитывал первый профит и прикидывал, на что он его потратит.

Бросив взгляд вправо, он вдруг увидел девочку Таню из

параллельного класса, которая ему очень нравилась. Таня смотрела прямо ему в глаза и улыбалась. Развернув плечи и изобразив на лице что-то вроде улыбки джигита, которому всё по плечу, Арчи изо всех сил крутанул педали. Старая стальная кобыла искренне возмутилась таким отношением и встала на дыбы. Именно с такой ковбойской улыбкой и запомнила Таня улетающего в большую грязную лужу Арчи-бальда, приветственно машущего ей рукой.

Небольшое вонючее озерцо, привольно плескавшееся по всей ширине Рижского переулка, было плодом творческой деятельности дорожных рабочих, менявших накануне канализационные трубы. Сразу после убийства рабочей интеллигенции на законный уикэнд для жителей муниципального округа «Сокольники» на Рижском переулке открылся первый вонючий фонтан. Ещё через десять минут из недокопанной ямы вырвалась искрящаяся на солнце миллионом разноцветных брызг вторая струя. Зловоние мягко окутало прохожих, с любовью щекоча их ноздри и глаза.

Вскоре водное шоу было остановлено и превращено аварийщиками в невзрачное вонючее озерцо. А ровно через час стальная кобыла «Украина» встала на дыбы перед лужей и сказала: «Поехали!», а Арчи махнул рукой.

Полёт претендовал на Тэффи и был встречен продолжительными аплодисментами на автобусной остановке.

Арчи принимал прохладные грязевые ванны, не слезая с велосипеда, и размышлял о несправедливости жизни. Смер-

дящее озерцо ласково приняло новых постояльцев: припарковавшуюся на дне «Докторскую» и весело плещущуюся спортивного телосложения курицу. Булки – ещё пять минут назад стальные – сейчас радостно размякали в мутной жиже, впитывая своё новое содержание. И всё это залито волшебной смесью пива и водки. «Старый мельник», поколдовав с «Балтикой» и «Гжелкой», придал местному водохранилищу новую суть и новые смыслы.

Подошедший грузовик прервал философские изыски Галушкяна длинным гудком. Арчи пришлось закончить водные процедуры. Вытащив железную кобылу на берег тротуара, он с грустью смотрел как грузовик утрамбовал остатки закуски в остатки асфальта и омыл колёса в волшебном эликсире. Он глядел на переливающее озерцо, на спешащих и зажимающих носы прохожих, на начинающих принюхиваться к луже бомжам и думал, как вернуть деньги Коляну. У Коляна, блин, какая тяжёлая рука. Впрочем, вечером в тот же день помог друг Витя, получивший накануне от папы солидный аванс за отказ от местного логистического бизнеса.

Приставкин жил в квартире не один. Вместе с ним делила жилплощадь молодая особа по имени Доля.

Гражданка Кристина, прожив с Витей два года, прошлой

осенью рассталась с Приставкиным, уйдя от него к перспективному помощнику районного прокурора. А чтобы Витя не скучал, она великодушно оставила ему взамен себя собачку Долю, так как у её нового избранника была аллергия на собачью шерсть.

Доля была «чистокровный русский той-терьер, у которой бабушка – двукратный чемпион Кракова, а дедушка – абсолютный чемпион Тамбова». Об этом доверительно при продаже щенка два года назад сообщила заводчица. В тот момент, когда Кристина обнималась со щенком, Приставкина посетили мрачные мысли о Швейке, поручике Лукаше и пинчере. Впоследствии недобрые предчувствия частично сбылись. Бабушка Доли, может, и была чемпионкой Кракова, но являлась весьма легкомысленной девицей, неспособной противостоять мужским чарам ни карликового пинчера, ни крепыша чихуахуа. Тем не менее Доля, одновременно похожая на лучших представителей пород дедушек, громко носила свои два с половиной килограмма по квартире на правах главной дамы после бегства Кристины.

Вечером, вернувшись с работы, Приставкин погладил радостно встречающую его Долю, вздохнул и посмотрел в угол комнаты, где стояли с прошлой недели выстроенные в ряд портфель, носки и трусы.

Зазвонил телефон.

– Витя, я уже на месте. Ты не забыл? – Галушкян на том конце линии что-то жевал.

– Иду.

Витя насыпал «Педигри» Доле, оделся и вышел из дома.

В скоттском баре «Зелёный Байрон», куда Галушкян пригласил Приставкина обсудить серьёзный бизнес-проект, народу было мало. Мозг и Двигатель концессии занял центральный стол и в ожидании Приставкина глубокомысленно крутил «Тик-Ток». Когда Витя прошаркал к столику, Галушкян поднял на него полный творческих помыслов задумчивый взгляд:

– Привет, Виктор.

В серьёзные, насыщенные событиями и финансовыми расходами моменты жизни ударение в имени Приставкина Галушкян всегда делал на последний слог. На французский манер. Это всегда вносило некую нотку изысканности и аристократизма в предстоящую афёру, как правило, заканчивающуюся полной жопой.

Витя бросил быстрый взгляд на невозмутимого Арчи.

– Пить не буду, – и, чуть подумав, добавил: – Хорошо, только бокал «Совиньон-блан». Привет, – и плюхнулся рядом.

Арчи глубокомысленно помолчал несколько секунд и продолжил:

– Как дела, компаньон?

При этих словах Приставкин напрягся. Такое обращение говорило только одно: что предстоят финансовые расходы, и, скорее всего, немаленькие. Витя вздохнул, но решил про-

молчать.

– Как там Вагнерша поживает? – настроивал Витю на неизбежное сотрудничество Конан-Варвар.

– Нормально, – буркнул Витя. – Нет, ну ты представляешь, я сегодня на общем совещании у ЧВК немного оговорился: вместо «а» – «э» сказал. Так ору было на полчаса.

– А чё сказал, – не отрываясь от «Тик-Тока», спросил омоним железного Арни.

– «Наша с вами эпиляция отклонена». Так что началось! «Мы с тобой эпиляцию не планировали! Не много ли ты на себя берёшь, Приставкин!» – и понеслось. Прооралась и уехала сразу по делам. Важные дела, блин, до конца дня. А у меня обед сорок пять минут всего!

– Похоже, баба реально на эпиляцию сегодня записана на рабочее время, и ты чуть не сорвал ей мероприятие своим признанием, – меланхолично жуя салатик, промычал Галушкян. И внезапно, подняв голову, крикнул: – два «Джонни Уокера», пожалуйста.

И уже обращаясь к Приставкину, сочувственно добавил:

– Тебе нужно снять стресс, Витя. Блин, я карту оставил в другой куртке. Заплатишь в этот раз? Я потом перечислю.

Расстроенный Приставкин знал, что у Арчи есть дела поважнее, чем платить по каким-то счетам в рестике, и привычно кивнул.

– Только чёрного «Уокера»! – радостно завопил Арчи официанту и, уже повернувшись к Приставкину, радостно

объявил: – Всё наладится, коллега!

Приставкин снова вздрогнул и хлопнул рюмку до дна. «Уокер» старался изо всех сил. После второй рюмки Витя согласился с Галушкяном и откинулся на стуле.

– А пошла она в жопу, толстая дура! Будет учить меня ещё жизни! И перед отъездом ещё съязвила: «Твои юристы такие же рукожопые, как ты сам! Апелляцию не могут нормально написать!» А чё «мои»? Я у них уже год как не работаю!

Полностью согласный с ним Арчибальд солидарно кивал, негромко заказывая рибай у склонившегося к нему официанта и добавляя его в их общий счёт.

– Тут британские учёные выяснили, – отхлёбывая виски, глубокомысленно изрёк мозг концессии, расправляя свои тщедушные плечи, – что водка со льдом вредит мозгу, ром со льдом – печени, джин со льдом – почкам, виски со льдом – сердцу. Блин! Страшная вещь этот лёд! Поэтому я никогда не добавляю в виски лёд. И ледяную водку стараюсь не пить. Мои мозги нам очень ещё пригодятся.

– Мда, – промычал Витя, – я тоже не люблю водку.

Витю год назад перевели из юридического департамента, где он работал юрисконсультom, в департамент закупок на должность специалиста. Официально для Вити это звучало как необходимость усиления департамента закупок специалистами, имеющими юридическое образование, поскольку все они работали с разными договорами. И здесь Вите отводилась «очень важная роль», как по секрету сообщили ему.

На деле, сплавив Витю в департамент закупок, начальник юрдепартамента перекрестился и поставил в церкви большую свечку за здоровье всех юристов России. И, немного подумав, добавил вторую – за российский нефтегаз.

Дело в том, что в бытность работы Приставкина в юрдепартаменте, несмотря на то что он был далеко не самый молодой сотрудник, Витя заслуженно два года удерживал самую низкую должность. Каждый очередной порученный ему проект он достойно проваливал в отведённые ему сроки, справедливо считая, что допускать просрочек в реализации проектов нельзя.

Последний проект в юрдепартаменте был связан с защитой им в суде товарного бренда их компании. Служба мониторинга компании нашла в Сибири на Иркутском тракте маленькую задрипанную полузанесенную снегом автозаправку, успешно разбавляющую бензин не первой свежести мочой суровых бурых медведей, что накладывало неизгладимый отпечаток на процесс эксплуатации авто в условиях сибирских морозов.

Всё бы ничего, но местный менделеев решил украсить свою автомобильную наркостанцию именем и боевой раскраской их нефтяной компании. Последняя закономерно этому событию не обрадовалась и немедленно снарядила своего боевого ниндзя Приставкина в далёкий Иркутск восстанавливать справедливость в местном арбитраже.

Хозяин этого шалмана в потёртых джинсах и несвежей ру-

башке с болью в сердце рассказывал судье о нелёгкой судьбе местного бизнеса в глубинке, о том, как «давят москвичи, не дают голову поднять».

Судья неприязненно смотрел на приезжего москвича в дорогом костюме и сочувственно кивал земляку.

– А что же нам делать, если они даже имя наше хотят отобрать, так и сгинем без роду, без племени, будто и не было нас, – завершил свою выстраданную исповедь нефтяной терпила и грустно опустил голову.

Приставкину тогда стало стыдно. Судье – вообще неприятно.

– Получается жизни нашему малому бизнесу никакой?

Судья строго посмотрел на Приставкина.

– Получается, – растерянно развёл руками ниндзя. Боевой самурайский меч в ножнах съёжился до размеров маленького тупого перочинного ножика.

– А малый бизнес в регионах, как сказал наш президент, это наше всё! – строго сказал судья и всех отпустил с миром.

Вот так вместо ниндзя в Москву вернулся с проигранным делом мишка-панда.

Воодушевлённый результатами этого судебного дела иркутский Илон Маск на радостях и второй свой шалман раскрасил в весёлые цвета их компании и зарегистрировал ещё одну ОООшку.

На апелляцию этого дела толстого панду уже не отправили.

Конечно, в конце концов коллегами Конфу-панды местный навозный жук был повержен, получил минимальный штраф и хмуро занялся перекрашиванием своих бензиносодержащих колонок взад.

Но блестящая карьера Приставкина как юриста-судебника корпорации закатилась. По правде говоря, она перед этим особо и не выкатывалась. От немедленного харакири с последующей выдачей трудовой книжки с надписью «в связи с беспросветной тупостью» офисного самурая спасло близкое знакомство его отца – депутата областной мэрии – с замом гендиректора их компании.

В итоге было принято компромиссное решение: из юрдепартамента неудавшийся Анатолий Кучерена немедленно переводится «на усиление» в департамент закупок, где его глубокие познания в праве, как с облегчением сообщил его бывший юридический босс, «будут о-о-очень востребованы».

Но на деле он был переведён на такую же самую низкую должность. И никакого повышения – ни в должности, ни в зарплате – не было для него даже в отдалённой перспективе. Но о-о-очень хотелось разбогатеть.

– Так вот, Виктор, есть перспективный прёджект! – наклонившись к Вите, сказал Арчи вполголоса, что должно было подчеркнуть особую важность вопроса, но на деле говорило о серьёзных перспективах дополнительных накладных

расходов для Приставкина.

– Сучка! – грустно вздохнул, вспомнив Вагнершу, юридическая надежда департамента закупок и уставился на бутылку виски. – Интересно, – задумчиво продолжил он, – а почему на сигаретах пишут «курение убивает», а на бутылке виски нет? Она ведь тоже вредная!

– Приставкин, не тупи! Зачем на виски писать «курение убивает»? – завёлся Железный человек. – Слушай меня! Есть тема! Нам нужно организовать рекламную фирму! Ты же знаешь, у меня большой опыт в маркетинге!

При этих словах Приставкин очнулся, чуть протрезвел и посмотрел на Галушкяна.

– Да ну?

– А то не знаешь, сколько я сил отдал маркетингу. Так вот. Регистрируем с тобой ОООшку «Galushky.digital Promotion». Звучит?

– Звучит, – осторожно сказал Приставкин.

– Сделаем крутой сайт. У меня один знакомый программист есть. В свободное время, когда не бухает, колымит по вечерам отпадные сайты.

– Я на снятие офиса денег не дам. Сразу говорю, – Приставкин хоть и выпил, но чуйка у него работала.

– Да ладно, друг! – Галушкян приобнял Приставкина и, повернув голову к официанту, крикнул: – Повторите ещё виски!

Витя уныло прикинул расходы на это деловое совещание.

– Офис снимать не будем. Сэкономим, – доверительно продолжил армяно-российский внук Остапа Ибрагимовича Бендера. – Чтобы не получилось, как в прошлый раз.

– И как же...

– Не нужен нам офис. Потому что у нас будет бутиковая рекламная фирма, – Галушкян с выражением поднял указательный палец. – Будем специализироваться только на очень крупных заказчиках. А они всё равно никогда к клиенту не ездят и проводят переговоры только у себя в офисе. Таких, как твоя компания. Ты хоть раз ездил на переговоры к клиентам в офис? Или они приезжали?

Приставкин задумался. Его никогда не звали на переговоры. Обычно на них ходили его головастые коллеги.

– Они всегда приезжали...

– То-то же!

– А на сайте ведь нужно указывать какой-то адрес? – неуверенно протянул Приставкин.

– Укажем адрес башни «Федерации»!

– А если всё-таки кто-то придёт?

– Мы всегда можем встретиться в кафешке в этой же «Федерации», потому что там удобно. Так ведь? – похлопал по плечу Витю любимый внук великого комбинатора.

– А клиенты кто? Это главный вопрос! И что мы им можем дать?

Нежеланный тёзка Шварценеггера вздохнул и опустил взгляд на то место, где должен был быть его бицепс. Это обо-

значало, как трудно ему в жизни работать с такими недалёкими людьми, как Приставкин. Но что делать, друзья есть друзья. Не оставишь же их одних в этих жизненных джунглях. Потом он снова поднял свой полный грусти взгляд на Приставкина:

– Во-первых, провинция. Все хотят в Москву. Бюджетники – это два. Так?

– Ну там поляна уже забита, – вздохнул Витя.

– В-третьих, артисты. Они постоянно выступают. Им каждый раз нужны новые рекламные кампании для их туров. А мы тут как раз. Например, этот, говорун. Как его... БАСТА! «Потрепались и БАСТА!» Класс?

– Хм...

– Или вон Плющенко со своим ледовым шоу всё пытается перебить поляну у Навки. Но у него ничего не получится без нас!

– Почему?

– У неё административный ресурс! – авторитетно поднял палец Галушкян. – Но тут появляемся мы. Представь баннер на весь «Билетёр.ру»: «Когда плющит не по-детски!» и перекошенное лицо Плющенко, грохнувшегося об лёд, а рядом шрифтом поменьше – «Сказки Плющенко». Впечатляет?

– Ага. Да, наверное, это тема. А у тебя есть выходы на него?

– Конечно, – Арни не стал уточнять, что у него был просто e-mail с официального сайта фигуриста.

– Ну хорошо. А ещё?

– Ты где работаешь? Забыл?

– Ну-у-у... Мы же не работаем со случайными конторками...

– А мы и не случайная. Сначала предложим свои услуги «Роснефти» или «Газпрому». А потом сошлёмся, что оказывали услуги им, и заявимся к вам. Ты же как раз отборами подрядчиков сейчас занимаешься. Так?

– Ну не совсем занимаюсь... Просто проверяю договоры с ними для конкурсов на поиск подрядчиков... – Приставкин развёл руками.

– То что надо! – Арчи похлопал обречённого компаньона по плечу.

– Подожди! А что мы предложим Роснефти или Газпрому? Мы что, можем что-то предложить?

– Настоящий мужчина всегда может что-то предложить даме!

– Ни фиги себе дама! Такая дама, если что-то пойдёт не по её правилам, так вдует, что мало не покажется! И что предложим?

Арчибальд принял глубокомысленный вид.

– Смотри, Приставкин. Для кафешек при «Газпромнефти» у меня уже есть шикарный слоган, который изменит всё их будущее сети автозаправок: «Точка G. Горячее, чем ты думаешь! Драйвит не по-детски!» Ну как?

– Неплохо. Действительно, всё «не по-детски», – осторож-

но ответил Приставкин. – А Роснефть чем возьмём?

– Ну, например, Павел Деревянко сидит в рестике на Патриках, весь крутой такой, в чёрном пиджаке и жёлтых штанах. Вдруг видит красивую тёлку за соседним столиком. Встаёт, и так вразвалочку к ней. И на зрителя выплывает крупным шрифтом: «Начните движение к новой цели!»

– Ну...

– Можно усилить. Деревянко небрежным шагом подходит к её столику. И тут она замечает, что у него что-то в штанах топорщится, и недоумённо поднимает на него глаза. Он запахивает полы пиджака и поясняет: «Мотор поёт!». И продолжает: «Девушка, не составите мне компанию в поездку в Шанхай на гонки?»

– М-м-м...

– И после них, – он наклонился к Приставкину и продолжил заговорщическим голосом: – Вы всё ещё кипятите? Тогда мы идём к вам!

Витя представил, как закипит ЧВК, когда узнает о его принадлежности к этой рекламной конторке:

– При проверке этого контрагента у нас выяснится, что я к нему имею отношение, и будет...

– Да, Приставкин, тебе будет очень больно. От одной мысли, что ты родился на свет божий. Очень больно! Верю! Ладно, чего не сделаешь ради друга. Эту конторку я тоже регистрирую на свою маму. Я так понимаю, что и директором ты тоже не хочешь быть?

Витя с ужасом замотал головой.

– Вот так. Богатым ты хочешь быть, а работать всё приходится мне. Буду её директором, так и быть. Теперь о расходах...

Витя по опыту понимал, что это неизбежная часть любого проекта с Арчибальдом. Прибыли может и не быть (обычно так и было), а вот расходы будут всегда.

– Ну, какие расходы. Так, ерунда, – Арчи небрежно махнул рукой. После этих слов Приставкину захотелось выпить и не слушать компаньона.

– Сам понимаешь, ездить по серьёзным компаниям на такой, как у меня, машине нельзя. Нужно сделать серьёзную реновацию моего авто, – самый способный внук товарища Бендера подходил к главному в этом «проджекте». – Нам нужно срочно обновить мой автомобиль.

– «Нам»? – Приставкину расхотелось пить.

– Ну, конечно, друг! Из первой же прибыли мы эти небольшие затраты тебе вернём. Ты же знаешь, я жмотиться не буду!

– Мне – «вернём»? – на всякий случай переспросил Приставкин, хотя и так всё было понятно. Схема была прежней. Мозг Великого комбинатора генерирует блестящие идеи и занимается их реализацией. Мозг Приставкина, а точнее, его кошелёк оплачивает это безумие. Денег у Арчи всё равно никогда не было, а идей – лучше б не было никогда. К сожалению, они не кончались.

– Конечно, дружище! Мне никогда ничего не было жалко для моего лучшего друга! Ты же знаешь! Мы знакомы с тобой с детского сада! На горшках рядом сидели! Это ведь чего-то стоит?

Это всегда чего-то стоило. В детском саду для Вити это стоило шоколадной конфеты, выдаваемой им на полдник, за которую Арчи обещал договориться со Славиком, чтобы тот дал поиграть его лего-человечком, или с Костиком, который пронёс в садик настоящую рогатку своего старшего брата.

– Ты же помнишь, как я по-братски давал тебе списывать свой вариант контрольной по математике в школе?

Витя вздыхал и кивал. Конечно, помнил. В итоге он всегда получал тогда двойку. Ведь вариант-то он списывал не свой.

В десятом классе на сэкономленные на завтраках деньги он купил розу на день рождения первой красавицы класса Кати, но постеснялся ей подарить и попросил Арчи постоять рядом, когда будет вручать после уроков. Конечно, Галушкян не мог оставить друга в трудной ситуации и принял огонь на себя. В итоге вручал алую розу и говорил Катюше проникновенные слова о её красоте и любви Арчибальд, а Витя, стесняясь и краснея, сопел рядом. В итоге Катенька оценила подвиг Арчи и вечером ушла на прогулку с ним. Таких подвигов, совершённых Галушкяном во имя настоящей дружбы, было не счесть. Приставкин знал, что они неизбежны в настоящей мужской дружбе и, как мог, старался мириться с ними.

– Просто если я приеду на переговоры на своём «Солярисе», нас не поймут. Так ведь? – проникновенно положив руку на плечо Вити, вещал Большой мозг.

– А... – попробовало вставить свои пять копеек большое тело.

– Твоя «Королла» не спасёт ситуацию. Тем более твоя дама тоже уже в годах, – по-отечески увещевал непризнанный Бендер-младший.

– Тогда машину оформим на меня, – насупился вечный Воробьянинов.

– Конечно, друг, если ты готов к разборкам со своей службой безопасности, когда они случайно выяснят, что какие-то рекламщики ездят на твоей машине, а ты вообще тут ни при чём! – Арчи развёл руки в стороны, показывая, что ради друга он готов на любые условия.

Ситуация была патовая. Как, впрочем, при обсуждении финансовой стороны любого проекта. Проектов было много, а прибылью и не пахло. Но Арчи никогда не опускал руки. Приставкин уже почти мысленно смирился с мыслью, что придётся платить. Вопрос был один: сколько?

– Ладно, оформляем на тебя. Сколько?

– Ну ты же знаешь, друг, что это простая формальность. На самом деле, ведь это, считай, будет твоя машина.

– Сколько?

– Я, между прочим, ради нашего дела готов продать свой «Солярис» и тоже вложиться. В покупку твоей машины, про-

сто оформленной на меня, – Арчи насупился, наблюдая за реакцией Приставкина.

– Сколько?

– Три миллиона. С копейками...

– Сколько?! Ты офигел?

– Смотри. Я всё посчитал. Нормальный «БМВ» Х5, шестилетка, стоит четыре с половиной миллиона. За мою ласточку дадут восемьсот тысяч. И ещё я вложу в наш проект все свои накопления. Сто двадцать две тысячи. Что делать? Для дружбы ничего не жалко.

– «Ласточка» – это твой ведровер? – хмуро поинтересовался Приставкин. – Восемьсот никто не даст.

Но Арчи уже не слушал и смотрел в другую сторону, где за столиком симпатичная девушка грустно разглядывала меню.

Арчи облизнулся:

– Сейчас вернусь. Ты пока обдумай моё предложение.

Через мгновение Галушкян уже сидел возле грустной красотки:

– Здравствуйте, я вас видел в прошлое воскресенье на конкурсе «Мисс Москва» в финале. Вы были великолепны!

– Извините, вы ошиблись. В прошлое воскресенье я была на соревнованиях по вольной борьбе.

– Вы там выступали? – Арчи засобирался было обратно к Приставкину.

– Нет, что вы.

Галушкян перевёл дух и продолжил:

– Меня зовут Арнольд. А для друзей – просто Арчи, – невозмутимо изрёк сомнительный двойник Шварценеггера, небрежно забрасывая назад взлохмаченную чёрную гриву.

По глубокому убеждению Арчибальда, ему гораздо больше шло имя Арнольд, которое как нельзя лучше соответствовало его огромному потенциалу, сконцентрировавшемуся если не в мышцах, то, конечно, в мозгу. А на деле – прятавшемуся в штанах. На этом потенциал Арнольда заканчивался.

– Нет-нет, такая красавица, как вы, непременно должна была выступать на конкурсе красоты, – горячо заспорил Галушкян.

– Ах, спасибо...

– Я хотел бы вас угостить шампанским и немного поболтать с вами.

– Спасибо, Арнольд. Но у меня уже есть мужчина.

– Неважно. Такая, как вы, заслуживает двоих!

– Вы не поняли. На соревнованиях выступал мой мужчина. И через несколько минут он должен подойти.

Последнее предложение она сказала уже пустому стулу.

– Нет. Денег не дам. Я передумал. Будешь ездить на своём ведровере: парковать его за два квартала от клиента и идти пешком, – сообщил Витя вновь приземлившемуся рядом Арчи.

– Ну, Виктор, ладно. Обойдёмся без нового авто. Но ты посиди ещё, подумай хорошо над нашим проектом, – ска-

зал последнее слово на чистейшем ливерпульско-рязанском акценте Арнольд, вытирая салфеткой рот и вставая. – А мне пора. Куча дел, сам понимаешь. Пока.

Арчибальд, как это обычно бывает у кипучих и любвеобильных натур, женился «по залёту». С Пелагеей, дородной цветущей девкой, он предполагал покувыркаться месяцок и «убыть в длительную заграничную командировку по работе в одну из европейских стран» с обязательством регулярно звонить по ватсапу. В момент прощания и сбора им чемодана Пелагея уведомила секс-гиганта, что беременна и что он может не спешить собирать свой чемодан, так как его загранпаспорт просрочен и вылететь он никуда не может.

– А с чего ты взяла, что мой загранпаспорт просрочен? – напрягся Казанова.

– Мне папа сказал.

– А кто у нас папа? – как-то тревожно стало командировочному.

– А папа у меня следователь в полиции. Он сказал, что, конечно, сможет тебе помочь сделать новый паспорт, только надо уточнить название твоей компании, так как в «Лудинге» ты не числишься.

– Да? – стало очень грустно.

– Да. Он пробил на работе.

– Там... это... фирма немного по-другому пишется... Там у нас... несколько похожих по названию ОООшек... Надо проверить.

Он вздохнул.

– Наверное, да. Лететь в Испанию и договариваться о закупке крупной партии «Риохи» придётся моему коллеге.

– Вот и хорошо! – улыбнулась Пелагея, плюхнув своё полное тело на тахту рядом с подпрыгнувшим раскрытым чемоданом Арчибальда. – Арчи, ты ведь говорил, что будешь так сильно скучать, что не знаешь, как переживёшь нашу разлуку! Ну вот, ехать не придётся. А хочешь, полетим вместе? Папа быстро организует нам паспорта!

– Нет! Нет! Нет! – Арчи мысленно перекрестился. – Нам по работе так не положено!

– А я думала, что мы слетаем с тобой в Испанию, пока живот у меня не очень большой, – она надула губки, всплеснув пухлой ручкой в охват ноги жениха.

– Или мы поедem, когда распишемся?

Она радостно притянула лохматую голову своего гиганта к необъятной груди, утопив её там, и мечтательно вздохнула. Откуда-то из груди раздавалось всхлипывание.

– Ну, что ты, дорогой? Это ты от счастья? – она извлекла из груди мокрую от слёз физиономию своего суженого.

– Да-а-а, – беззвучно сотрясалась рожа заключённого, вдруг получившего пожизненный срок.

– Ничего, всё будет хорошо! – она поместила его заплаканную физиономию назад на родину.

Там между двумя её сочными грудями, до которых ещё и не каждый астраханский арбуз дотягивал, он и затих...

В ЗАГСе он на минутку отпросился в туалет. В мужском туалете на окнах стояли решётки.

– Всё предусмотрели, суки! – зарыдал Арчи.

Так сообщество настоящих мужиков потеряло ещё одного свободного человека.

Арчибальд Галушкян имел богатый жизненный опыт. Неуёмная кипучая натура протащила его маленькое тщедушное тельце через все возможные профессии, имеющие хоть какой-то запах денег. Однако, как правило, его жидкий букет материального вознаграждения благоухал несвежими тысячерублёвками, прореженными несколькими случайными красными попутчиками – пятитысячными купюрами, и был завёрнут в двухэтажные проклятия его очередного работодателя, посылавшего его в недлинную дорогу.

Никакого благовония зелёной американской листвы, ободряющих улыбок старины Франклина или весомых знаков евро на получаемых купюрах не было. Как, впрочем, и благодарности за сотрудничество, которое обычно завершалось одним проектом.

Овощной рынок, где начал свою трудовую деятельность Галушкян-младший, помогая отцу торговать помидорами, концептуально не соответствовал мировоззрению Арчи. Поэтому достаточно скоро он устроился работать в небольшую компаньшу, специализирующуюся на оптовой торговле канцелярией. Но ни скрепки, ни дыроколы, ни даже Светочка из бухгалтерии, с которой он пару раз уединялся по ночам проводить аудит его канцелярских изделий, не смогли задержать его больше чем на шесть месяцев.

Потом была работа агентом страховой компании.

Затем полгода он скакал по клиентам, будучи рекламным агентом.

Дольше всего он задержался в недвижимости.

Вершиной его творчества на поприще столичной недвижимости была продажа двухкомнатной квартиры в Жулебино труженику из Уренгоя. Основным аргументом, оказавшим решающую роль в покупке квартиры, было сказанное по секрету деятелю бурового долота, что «дом и, в частности, эта квартира на первом этаже стоит на месте избы, в которой родился Григорий Распутин». Поэтому это место обладает особой жизненной силой, несёт здоровье его обитателям и несравненные материальные блага на протяжении всей жизни.

В итоге типовая клетушка без отделки на первом этаже была продана по цене, которой позавидовали бы меблированные евродвушки на Садовом кольце. Впрочем, триумф

новоиспечённого риэлтора продолжался всего пару недель, пока несказанно удачливый покупатель вдруг не решил уточнить у Гугла детально место расположения избы Распутина – под его квартирой или всё-таки в соседнем подъезде.

Открывшуюся информацию, связанную с каким-то Тобольском, расположенным за две тысячи километров от стольного Жулебино, пришлось улаживать сначала главному менеджеру, а потом и генеральному директору агентства.

Гендир был невероятно убедителен. Когда он, по своим заверениям, приезжал на эту новостройку посмотреть на подвиг таджикских строителей, воздвигших воистину рукотворное строение с минимальным использованием строительной техники, у него действительно улучшался аппетит, кислотно-щелочной баланс, прояснялись память и пространственное мышление.

Правда, директор не стал уточнять, что память проясняется, когда он вспоминает, сколько ему пришлось занести в мэрию, чтобы получить это «пятно» под застройку. А улучшение аппетита и непроизвольное выделение слюны происходят, когда он подсчитывает свой профит от продажи этого памятника архитектуры жулебинского зодчества.

Новоиспечённого московского собственника в конце концов объяснение большого начальника на «Майбахе» удовлетворило. Но с креативным риэлтором агентство почему-то решило расстаться.

Глава 3

– Вначале было Слово.... Слово Творца... Творца компании... Однако, судя по тому, как вы делаете наш проект, Слово было нецензурным...

– Не говорите, что мне нужно делать, и я не буду говорить, куда вам нужно идти...

(из душевной беседы начальника отдела с менеджером о перспективах реализации корпоративного проекта).

Архимед нежился в тёплой ванной. Молодая рабыня в красном тюрбане с вышитой золотистой надписью «Guchi» ещё раз проверила рукой температуру воды, улыбнулась и, слегка покачивая полными бёдрами, удалилась. «Хороша задница, – лениво подумал Архимед. – Вечером надо бы трахнуть, пожалуй».

По вечерним Сиракузам медленно растекался зной. Под сброшенной белоснежной тогой, свисающей с кресла качалки, что-то завибрировало. Архимед не спеша потянулся из ванны, стряхнул брызги с руки на мраморный пол и достал из-под тоги мобильник. «Старая стерва» – высветилось на экране. Отвечать на звонок ЧВК не хотелось.

Архимед Приставкин бросил телефон на тогу и вновь погрузился в ванную. Уровень воды сначала опустился, а по-

том снова поднялся до краёв. «Забавно, – подумал Архимед, – над этим нужно подумать». Подсознательно он удивился собственной смелости. Не ответить на звонок претора – это верх безумства. «Или величия!» – добавил он сам себе.

Он прислушался. Через приоткрытое окно слышалось выступление очередной ораторши из амфитеатра «Ростра»:

«Аве, патрицерки! Я расскажу вам про признаки, что на тебя колдуют салии и авгуры.

Вы чувствуете себя как в тумане. Вы идёте, и вас напрягает ваше состояние. Как будто вы потерялись. Вы не здесь и сейчас, а как будто в другом месте, в каком-то потустороннем мире, в Галии или Киликии, а может быть, даже в Бурятии. Вы – в параллельной вселенной, кто-то в ауте, кто-то в термах чилится с вечера с чушпанским трибуном, всех разбросало. Вы ничего не хотите, апатия с самого утра. Если вас не радует ни новый хитон из Персии, ни новая метёлка от мух из бычьего хвоста, ни другие подарки на Сатурналии, то это не депрессия. Депрессии не существует. Её придумали обычные шарлатаны типа «психологи». Это обычное стандартное колдовство. Причём у вас заколдованы трусики. Вам сейчас их нужно снять и надеть на тюрбан. И сразу отправить мне пять денариев или в рублях по курсу на карту. А я проведу ритуал по очищению вас от колдовства и просветлению мыслей».

Архимед вздохнул, достал планшет и решил посмотреть последние финансовые новости. РБК и «Сиракузские ведо-

мости» сообщали, что барбарийские учёные, живущие на краю земного диска в стране диких медведей и домашних балалаек, открыли новый вид повозок – «Ультима», который отличается от широко распространённых «Яндекс-Эконом» не только большими колёсами со спицами и мягкими кожаными сидушками из ламы, но и усовершенствованным автовозницей версии 2.0.: «Использование нейротехнологий позволило не только понимать, но и общаться с пассажирами повозки на чистом древнегреческом языке. При этом отпала необходимость каждые пятьсот аршин подсказывать вознице, куда нужно поворачивать. Музыкальные треки теперь воспроизводятся на чистом древнегреческом, а не на непонятном тарабарском месопотамском языке возницы».

Архимед от удивления щёлкнул языком и продолжил чтение: «Трибун Цыпкин одним из первых протестировал данную повозку и заявил журналистам: «Аве, Ультима! Идущие на «Гуднайт Америка» приветствуют тебя!» И после этого укатил на ней в Амфитеатр имени Чехова на премьеру».

– Зульфия Назаровна! – крикнул Архимед, продолжая листать новости на айпаде.

Новости культуры сообщали, что постановкой «Слово Падана-Гладиатора» завершается две тысячи четыреста двадцать седьмой театральный сезон областного Колизея. В этой постановке была сделана попытка дать честный взгляд на нелёгкую судьбу плебеев с рабочих окраин Галии.

В следующей статье рассказывалось о выходе нового па-

пируса известного оратора Сергея Минаева о причинах блестящего взлёта и бесславного падения тунгусского метеорита. Также сообщалось, что было доступно дорогое издание для патрициев на высококлассном пергаменте из телячьей кожи, сопровождаемое цветными иллюстрациями: «Ярким и доступным языком автор дал альтернативный взгляд на причину появления мата у уцелевших динозавров и современных любителей русской словесности...».

Архимед прислушался. Ответа на его призыв не последовало. Между тем выступление за окном продолжалось:

«...такие же признаки могут быть и от самопорчи: когда человек идёт не по своему пути, делает то, что ему не нравится, не ищет своё предназначение. И признаки при самопорче будут такими же, как при колдовстве, наведённом салиями и другими стервами».

– ЗульНаз! – слегка раздражённо повысил он голос.

– Да, мой господин! – полненькая рабыня уже стояла у ванной в коротком хитоне с разрезом, кокетливо поправляя свой тюрбан.

– Ну что ты сразу «господин»? Мы живём в век просвещённой республики. Я же говорил тебе, зови меня просто Архимед Викторович, – Приставкин мокрой рукой погладил её зад, отчего хитон сразу прилип к круглой попе.

– Как тебе новый тюрбан? Нравится? – рука Приставкина не останавливалась.

– Да, спасибо за подарок, мой Архимед! Это поставка из

Месопотамии? – она кокетливо покрутилась вокруг зеркала у ванной.

– Прямые поставки из Карфагена! – обиделся Архимед. Даже на секунду убрал руку. Но только на секунду.

«Да, тюрбан ЗульНазке идёт! От фирменного не отличить, хоть и на Алике брал, – удовлетворённо подумал Архимед Приставкин. – Хорошо хоть успел оторвать этикетку «Сделано в Цинь Хань»».

– Вот что, дорогуша, пока я занимаюсь серьёзными вещами, – он не отрывал взгляд от планшета, – сделай-ка мне... Блин! – вдруг заорал Архимед, что-то увидев в айпаде. – С календы августа вводится лицензирование оптово-розничной торговли рабами. Это возмутительно! Сначала государственная монополия на добычу костей мамонта, а теперь и...

За окном что-то громко ухнуло. Кто-то громко заматерился.

– Что там? – он поднял глаза на рабыню.

– Римляне. Второй день штурмуют, – она вздохнула.

– М-м-м... – Архимед не отрывал взгляда от интересной статьи «Вестника Роснано» о прорывных технологиях диких варваров, живущих где-то за Уралом на краю земного диска: «Устройство работает на сменном картридже, наполненном бутаном, из кости мамонта. Одного такого картриджа размером с кулак варвара хватит, чтобы до 10 раз полностью зарядить батарею смартфона или высечь искру».

Шум за стеной нарастал. Кипучая мысль Архимеда не

могла угомониться: «А ведь этой искрой можно поджечь паклю, привязанную к стреле, и обстреливать римские галеры!»

– Эврика! – Архимед подпрыгнул в ванной.

– Вообще-то я Зульфия! – обиженно протянула рабыня, уже стоявшая в чём мать родила.

В этот момент с треском распахнулась дверь. В термы вломился огромный, слегка помятого вида легионер в поцарапанных доспехах и с коротким мечом и, открыв рот, уставился на голую рабыню.

– Здраваться нужно, – обиженно протянула она.

– Вечер добрый, – сдал назад детина, перевёл взгляд на Приставкина и поинтересовался, – извините, а Архимед Викторович в этом домусе проживает?

– В этом. Вот, – обиженная невниманием военнослужащего дама ткнула пальцем на Приставкина и начала одеваться.

– Отлично, – римлянин расплылся в улыбке и повернулся к Приставкину. – Извините, уважаемый, я вынужден буду отрубить вам голову.

– Несколько неожиданно... Не находите? – удивлённо посмотрел на него Архимед.

– Ничего личного. Это поручение ЧВК, – солдат развёл руками и полез за мечом.

– Может отложим этот проект на какое-то время? – замаялся Архимед и посмотрел на ржавый, с потёками застывшей крови меч солдата. – У меня ещё есть кой-какие дела. Пи эр

квадрат недосчитано, например...

Архимед театрально взмахнул рукой.

– И вообще это не гигиенично! Посмотрите на свой меч. Вам не стыдно оружие содержать в беспорядке. Что сказала бы ЧВК? – вдруг разошёлся он, вылезая из ванной. – Отвернитесь! Мне нужно одеться!

– Меч как меч, – пробормотал солдат, вытирая его о полу своего хитона. Было видно, что упоминание о Валентине Константиновне заставило его понервничать.

– Коллега, мы должны с вами рассмотреть все альтернативные варианты этого кейса, – Архимед Приставкин гордо стоял, запахнувшись в тогу, выставив вперёд правую ногу. Он точно знал, что настоящие патриции стоят именно так. – Например, не хотите, вы убить кого-нибудь другого? За щедрое вознаграждение? Точнее, за разумное вознаграждение? – поправил он себя, не сводя строгого взгляда с солдата.

– Ну, оно, конечно, можно... – протянул служивый, пряча кое-как очищенный меч в ножны.

– Кстати, дамами не интересуетесь? – Архимед сделал величественный жест в сторону Зульфий.

Легионер перевёл взгляд на рабыню, которая демонстративно чистила свои ногти у зеркала.

– Кстати, лучше не убивать, а использовать по прямому назначению, – тут же доверительно добавил Архимед.

Зульфийа возмущённо подняла на него глаза.

– Мне нужно срочно ответить на звонок! Помолчите! – предотвратил нарастающую бурю Архимед и поднёс к уху телефон.

Легионер ощутимо напрягся.

– Да-да! Конечно, Валентина Константиновна, всё будет сделано в наилучшем виде! – громко отрапортовал Архимед в выключенный гаджет.

Все уважительно молчали.

– Ну вот. Что я говорил. Решение вашего вопроса придётся отложить на неопределённое время, молодой человек. Как вас...

– Тиберий. Тиберий Луциевич, – расправил плечи детина.

– Так что, Тиберка, заходи в другой раз. Пока не до тебя, – похлопал по плечу его Архимед.

– А как же баба... то есть положенная субституция? – видно было, что интервент понахватался учёных слов, тусуясь с софистами.

Архимед оглянулся. Зульфия уже стояла с собранным чемоданом на колёсиках, демонстративно глядя в сторону. «И ногти уже успела накрасить», – недовольно мысленно отметил Архимед.

– Ну да, пожалуйста, – протянул он вслух.

Зульфия демонстративно сунула в руку солдата ручку чемодана и бросила презрительный взгляд в сторону Архимеда:

– Счастливо оставаться в этой дыре. Мы с Тиберушкой

сегодня отъезжаем в столицу. Кстати, Тиберушка, где в Риме у тебя жилплощадь?

– В центре, – Тиберушка сглотнул. Его казарма действительно стояла в центре.

– В центре! В центре Рима! – Зульфия Назаровна многозначительно посмотрела на Архимеда, поправила свой тюрбан и, отвернувшись, взяла под руку растерявшегося солдата. – Вперёд, мой герой!

– Не могу войти в состояние потока, сейчас не в ресурсе, и всё тут, – виновато сказал Тиберий Луциевич голосом Зелёнкина.

Уже в дверях Зульфия обернулась и бросила короткий взгляд на Приставкина:

– А ты, Архимед, не проспай работу!

Приставкин с ужасом проснулся и с облегчением обнаружил, что он в офисе. Вокруг было тихо. Справа негромко шелестел принтер. Слева – Валера Зелёнкин что-то вдохновенно говорил по телефону. Витя осторожно выглянул из-за своего огромного монитора. Ни ЧВК, ни СпецНаза в опенспейсе не было видно. Он покосился на распечатанный контракт, второй день лежащий на столе, негромко зевнул и бросил взгляд на Apple Watch. До обеденного перерыва было ещё полтора часа.

Он прислушался к разговору Зелёнкина:

– ... Семён Александрович, нет, ваш проект пока не начи-

нал. Вы поймите, много незакрытых гештальтов. Скоро буду проходить марафон продуктивности, получу у коуча персональную карту желаний, потом на психологические расстановки схожу, а там, глядишь, и из зоны комфорта смогу выйти.

Зелёнкин замолчал, слушая далёкий визг абонента в трубке, и спокойно продолжил:

– Нет-нет, Семён Александрович, вы не подумайте, что я без дела сижу. Я Вселенной посылаю запросы, жду инсайта, но пока всё глухо. Визуализировать свои цели – это тоже труд, какая концентрация внутренней энергии нужна! Такие дела, Семён Александрович... Что?

Трубка исходилась истерикой. Валера убрал её от уха, посмотрел на Витю и вздохнул. Витя понимающе кивнул.

– Я временно буду игнорить вас, Семён Александрович, чтобы не выгореть от ваших токсичных вайбов. Я постараюсь полюбить себя и взять ответственность за свою жизнь. Что? – в трубке непрерывно визжал далёкий поросёнок. – Вы сейчас нарушаете мои личные границы, Семён Александрович! Впредь я готов отвечать лишь на экологично поданные запросы от вас посредством электронной почты!

Зелёнкин спокойно положил трубку, потянулся и открыл пасьянс на мониторе. Приставкин с уважением посмотрел на коллегу:

– Это тебе с департамента нефтепереработки звонили?

– Да сколько можно теребить меня их проектом! Буд-

то они единственные у меня, – недовольно ответил Валера, щёлкая мышкой по «Косынке» на мониторе.

– А это... Круто ты их...

– В двадцать первом веке живём, Витя. Нужно заниматься самообразованием и самосовершенствованием постоянно, – Валера снисходительно хмыкнул.

– Концепции обучения не стоят на месте, – важно продолжил Зелёнкин.

– Главное, чтобы они Вагнерше не стукнули. А то она так наступит! – Витя взял в руки тендерные документы. Не читалось. Тогда он со вздохом пошёл за кофе. Но после кофе душа к работе не лежала совсем. Потом он вспомнил свою главную заповедь: «Лучше сделать хорошо, но завтра, чем кое-как, но сегодня».

– А кстати, где Вагнерша? – непривычная тишина в опенспейсе напрягала.

– Она на одиннадцатом этаже на совещании Правления, приехали генеральные директора с Уренгоя и Ванкора, – невозмутимо раскладывал «Косынку» Зелёнкин.

Удельным князьям, то есть генеральным директорам нескольких добычных «дочек» в Ханты-Мансийске, Сургуте и Восточном Уренгое, жилось вольготно и по-русски широко. Раз в квартал они летали в Москву на Олимп на одиннадцатый этаж каяться (то есть на совещание Правления) в одном рубище с веригами с непокрытой головой, но в галстук.

Для встречи очередного князя в Шереметьево обычно запрягалась чёрная корпоративная тройка лошадей Е-класса, которая весело с бубенцами неслась через всю Москву и задорно подлетала к Олимпийскому проспекту. За сто метров до входа в главный офис князь сумрачно вылезал из повозки, поправлял вериги, галстук, превращался в схимника и брёл в одних лаптях по Олимпийскому. На совещании он смиренно вещал о приоритете корпоративной культуры над всем мирским, что окружает его в этой жизни.

Проповедь инока-подвижника о непрерывной и непрекращающейся борьбе за достижение им и его челядью высоких финансово-операционных показателей добычи не всегда находила отклик у олимпообитающих одиннадцатого этажа. Тогда он кротко молил о бюджетах, привычно рвал власяницу в хлам от такой жизни.

По окончании совещания, грустно опустив густо посыпанную пеплом голову, схимник, поправив неожиданно смоченные онучи, удалялся прочь ходоком в Шереметьево на рейсовый ковёр-самолёт. Но уже в ста метрах от Олимпийского в привычном месте он изнеможённо падал в свою корпоративную повозку, превращался в князя и, отягощённый мыслями о вечном (требованиями увеличения нефтедобычи) и немного о мирском (а так ли он был хорош перед своим главным барином?), уносился прочь к достижению амбициозных корпоративных целей по расширению инновационного окружения своего двора.

Прилетев в свой офис на краю земли, где обитали только голодные вахтовики, сытые белые медведи и бродячие офисные сотрудники, князь задумчиво на скоростном лифте взлетал в свою келью. В этой шикарной сорокаметровой камерке, отделанной итальянским мрамором и красным деревом, он брезгливо скидывал власяницу, убирал в шкаф вериги и галстук. Затем через приёмную суровым голосом вызывал своего тиуна, бояр и начинал самолично кропить им онучи.

Несмотря на то, что процедура повторялась каждый раз (и, конечно, на самом деле они к ней привыкли), бояре сопротивлялись, махали презентациями и распечатками в экселе, кричали, что «их отчёт не так прочитали», что «всё совсем не так» и что все мысли у них только о княжеском (то есть о корпоративном) процветании и развитии. Закончив своё дело и удовлетворённо застегнув портки от «Бриони», вздохнув, князь углублялся в Outlook, а хорошо «прокаченные» бояре разбегались, чтобы повторить эту процедуру со своей челядью, которая настороженно их ждала в опенспейсе, ожидая получения планового удовольствия.

Глава 4

*Одна девочка так много читала, что разучилась фотографировать себя в зеркале
(из детских страшилок XXI века).*

В жизни только две красотки могли свести с ума Галушкяна. И где бы он ни болтался в течение дня, за какими бы девчонками ни волочился, вечером он всегда возвращался к ним.

Закрыв за собой дверь, он поднял глаза. Самые лучшие представительницы прекрасного пола с радостным криком вместе выскочили из комнаты:

– Папа, а ты нам что-нибудь принёс?

Младшая пятилетняя Каринка застенчиво теребила кружевное розовое платьице, сжимая плюшевого мишку в руках. Старшая второклассница Маринка сразу объявила, подняв раскрытый дневник:

– А мне учительница сказала, что стихотворение «Мороз и солнце, день чудесный!» я лучше всех в классе рассказала! Вот!

– А мне!.. А мне!.. – покрасневшая малышка не знала, как выделиться. – А мне воспитательница сказала, что у меня красивые косички! Вот!

И она сунула ему косичку прямо в нос. Он не выдержал и чихнул. Затем подхватил их сразу обеих на руки, прижал к груди и закружил.

– Обожаю эти косички!

Он стал целовать эти румяные щёчки и шейки.

– Ах! Ах! – для виду вырывалась Каринка.

– А у меня нет косичек! – притворно хмурилась Маринка.

– А я обожаю твой носик и шейку!

Он чмокнул её за ушко.

– Папа! А ты с нами поиграешь?

– Ну конечно!

Он сунул им по «Киндер-шоколаду» и пошёл переодеться. На кухне его ждала кастрюля варёной гречки и сосиски «Папа может». Папа всегда может. Его принцессы это знали. Пелагея из спальни не вышла. У неё была важная учёба: она слушала семинар в инсте* «Как возродить в себе настоящую женщину»:

«Вы попали на страницу женщины-богини. И меня часто спрашивают: как проводить свой день? На самом деле вы можете проводить его как угодно, лишь бы не работать. Работать должны другие. Я им конкуренцию не составляю. Если же я ещё работать буду, вы подохнете от грусти и тоски».

Галушкян, услышав это из спальни, чуть не поперхнулся сосиской.

«Девочки, сначала я расскажу вам, как сохранить свою женскую энергию и не дать ей бездарно растратиться в про-

странстве.

Сегодня мы будем прокачивать женскость. Что такое женскость? Это не просто мягкость, неспешность, плавность. Когда вы облакачиваетесь на стену, вы соединяетесь с этим предметом, вы проживаете эти мгновения. Дайте себе прожить эти мгновения. Мы даём в движение женскость, после этого урока вы все станете женскими.

Девочки, очень важно не только как вы ляжете в постель к своему мужчине, но и к кому вы ляжете. Об этом мы поговорим на следующем вебинаре.

А если вам не с кем лежать в постели – закажите роллов с доставкой. Мой промокод ниже даст вам пятипроцентную скидку на удовлетворение своих самых желанных желаний!»

Всё время, пока он ужинал, Маринка с Каринкой по очереди ходили на кухню смотреть, закончил ли он свой ужин.

– Ура! Ура! Папа пойдём! Играть! Играть!

Только он встал из-за стола, как они схватили его за руки с двух сторон и потащили в детскую.

– Сначала со мной! – на правах старшей безапелляционно объявила Марина.

– Почему с тобой? Ты была первой в прошлый раз! – пухленькая Каринка попыталась отстоять свои права.

Каринка, несмотря на разницу со старшей сестрой в три года, была с ней в одной весовой категории. Это позволяло малышке, унаследовавшей пышную мамину генетику, при

переходе в клинч со старшей сестрой эффективно отстаивать свои права.

А если не получалось добиться своего, она всегда могла достать своё самое эффективное оружие: просто громко рыдаться – малышку обижают! На горизонте тут же появлялась грозовая туча – суровая мама. Туча-Арбитр в ста процентах случаев выносила один и тот же вердикт: малышей не обижать. И всё. Каринкины цели достигнуты.

Старшей Маринке, которая набрала корзинку генов от тощего и не впечатляющего ростом папы, приходилось нелегко. Успешные результаты в секции художественной гимнастики только усугубляли Маринкино положение в домашних схватках. Дородная Пелагея зорко бдела назначенную тренером для маленькой спортсменки диету, исключая из неё не только обычные детские радости в виде пироженок и печенек, но и любую выпечку.

– Нет, он с тобой потом играл. С одной. На следующий день, – худенькая Маринка скрестила руки на груди и сверху вниз строго посмотрела на малышку.

– Не играл!

– Играл.

– Не играл! – Каринка размахнулась плюшевым мишкой, которого она держала за ногу, и врезала старшей по голове.

– Ах так! – Маринка толкнула малышку.

– А-а-а! – зарыдал маленький плюшевый медвежонок.

– Стоять!

Объект делёжки быстро развёл противоборствующие стороны по углам ринга:

– Так! Сначала с Каринкой, а потом – с Маринкой.

– По пятнадцать минут. Поровну, – на всякий случай зафиксировала умная Марина, – и малышам никаких поблажек.

Каринка топнула ножкой, но промолчала. Она порылась в коробке с игрушками и достала брюнетку Синди и маленькую Кресси в колясочке. Затем она расправила мини-юбку Синди и усадила Кресси поудобнее в коляске.

– А где Кен? – она подняла на старшую сестру свои большие голубые глазки.

Марина вздохнула, закатила глаза в потолок, вытащила спрятанного Кена и бросила его сестре. Свою Барби она предусмотрительно убрала за спину. Каринка разгладила костюмчик Кена и протянула его папе.

– Кен, мы идём на плогулку. Маленькой Кресси нужно в парк. На детскую площадку, – Синди выговаривала «р» пока через раз, но Кена это не смущало.

Кен покатил коляску, рядом с ним вышагивала Синди в одной туфле. Вторая была давно потеряна. Они пересекли большой цветочный луг, раскинувшийся цветастым одеялом на кровати Каринки, и подошли к большой красной горе, украшенной изображением голубого единорожка и порхающими бабочками. Барби внимательно мониторила перемещения своей соперницы.

– Кен, помоги мне перелезть через гору, – повернулась Синди к Кену.

– Нет здесь никакой горы. – Маринка схватила свой школьный рюкзак и убрала его под стол.

– Вот и холошо. Нет голы, и не надо. Кен, идём дальше. Маленькая Клисси хочет кушать.

– А вот же магазин! – галантный Кен подвёл свою даму к ящику с игрушками. – Что ты хочешь, дорогая? Может быть, гамбургер? Или чупа-чупс?

– Дологой мой, купи нам с Клисси по киндел-сюлплизу!

– Одну минутку!

Кен метнулся в магазин. Через пару минут он выудил из ящика две жёлтые пластмассовые коробочки из-под киндер-шоколада. Затем он сунул в одну какой-то попавшийся под руку пластиковый шарик, в другую – детальку от Лего-конструктора. Из-за угла за его перемещениями презрительно наблюдала Барби.

– Вот, дорогая!

Синди и Крисси съели по киндер-шоколаду и отправились дальше.

– Кен! Давай spoём песенку!

– Давай!

– В траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик!

Совсем как огуречик, зелёный он был.

Представьте себе, представьте себе,

Зелёный он был! – затянули хором Синди и Кен.

Длинноногая грудастая Синди бодро маршировала по дороге. Они подошли к королевской карете, запряжённой тройкой белых лошадей.

– О! Прокатимся, Кен! – радостно воскликнула Синди.

– Нет! – откуда-то материализовалась Барби. – Это моя карета!

– Фу! Очень надо! – скривила пухлые губки Синди. – Пойдём, Кен. У меня есть моя масина.

Синди немного покопалась в ящике с игрушками и извлекла красный пластмассовый грузовичок. Просторный жёлтый кузов позволял уместиться Кену и Синди. Коляска Крисси не помещалась.

– Клисси, подожди немного. Мы с папой поехали на прогулку!

Покладистая Крисси не возражала. Зажужжал мотор, и Синди с Кеном отправились на прогулку в пещеру, расположенную под письменным столом. Грузовичок немного припал на отсутствующее переднее правое колесо, отломанное практически сразу после покупки, но парочку в кузове это не смущало. В пещере было темно.

– Ой, мне страшно, Кен!

– Не бойся, моя принцесса! Если нападут монстры, я тебя смогу защищать...

– Ну всё! Время вышло! – раздражённо объявила Барби.

Кен раскланялся с Синди и ушёл на свидание с Барби. Барби распушила свои золотистые локоны и томно сказала:

– Здравствуй, Кен!

– Здравствуй, дорогая!

– Куда мы поедем сегодня?

– А куда ты хочешь, моя любовь?

Откуда-то издалека послышалось сопение недовольной Синди.

– Я хочу в ресторан! В Макдональдс.

– Поехали!

Парочка уселась в карету. Барби незаметно нажала маленькую кнопку. Лошади зафыркали, громко заржали и, постукивая копытами, пошли вперёд, потащив за собой белую карету. Барби, сидя рядышком с Кеном, горделиво поглядывала по сторонам.

Они чуть не проехали мимо ресторана. В последний момент Барби успела нажать на кнопку и лошади остановились. Влюблённая парочка вышла из кареты и отправилась под стул, где стоял игрушечный столик и два стульчика. Свои стройные ножки необъятной длины уместить под маленьким столиком Барби не удалось, поэтому они остались вытянутыми на всеобщее обозрение. Штатный ценитель красоты расположился за соседним столиком.

– Я буду Хэппи Мил с чизбургером, картошку фри с кетчупом и кока-колой, – объявила Барби. – С игрушкой. Для девочек.

– Всё понятно! – Кен на полусогнутых умчался на склад Макдональдса, располагавшийся в соседнем ящике с игруш-

ками. Откуда-то издалека нарастало недовольное сопение Синди.

– Ну что там? – нетерпеливая Барби поправила свои шикарные волосы.

– Одну минутку! – Кен перелопачивал содержимое ящика.

Через минуту Кен выложил перед Барби чизбургер в виде стеклянного серого шарика, картошку фри в виде нескольких жёлтых бусинок от рассыпавшегося месяц назад стеклянного кольца Маринки, и черную детальку от Лего, то есть бутылку колы.

Барби довольно улыбнулась. Наклонилась и... поцеловала Кена. Кен от растерянности свалился со стульчика. Барби вовремя его подхватила и усадила обратно.

Этого Синди выдержать уже не могла. Через секунду кукла тактической ракетой «земля-земля», запущенной Каринкой из угла комнаты, прилетела в Макдональдс и разнесла всю эту смазливую идиллию.

– Ах так! – Маринка вскочила на ноги и рванула к младшей сестре. Та уже была готова и запустила многострадального мишку Тедди.

– Стоять! – Кен вскочил и принялся разнимать соперниц. В душе у него сладко поёкивало. Ах, если бы так было и в жизни. Как здорово бы было, если бы все его любовницы так же дрались за него. Так нет же. Если они узнают друг о друге, то тут же, радостно скрежеща зубами, дружно разорвут

его на кусочки. Потом непременно подружатся и долго будут друг с другом за чашечкой кофе намывать его многострадальные косточки, в деталях обсуждая, какой он «был мерзавец, а впрочем, и как все мужчины... и что он не очень-то был и силён в постели...»

– Что тут происходит? – громовой голос мамы Пелагеи всех вернул к реальности.

– А-а-а! Марина меня толкнула!

– А-а-а! Карина в меня бросила куклой! А потом ещё и мишкой!

– Немедленно прекратить! Арчибальд! Ты не можешь играть с детьми нормально? Что за крики? Вы мешаете мне работать! Всё! Шагом марш всем чистить зубы!

От отца, работающего в весьма компетентных органах, Пелагея унаследовала хорошо поставленный командный голос и пронизывающий взгляд, припечатывающий к стенке. Центнер настоящей женщины служил дополнительным аргументом не вступать в дискуссию при любой точке зрения.

Заключённые построились в колонну по одному и отправились в ванную чистить зубы.

«После того, как вы меняетесь, мужчина офигевает с того, насколько вы у него классная и ценная! – слышался приглушённый бубнёж из спальни. – Как много плюсов в вас на самом деле есть. Что вы – не посудомойка, не уборщица, вы прекрасная женщина, которой можно гордиться рядом. Как вас будет воспринимать мужчина – в ваших руках. И ему хо-

чется рассматривать вас, а не тёлочек с инсты* .

Через 24 часа купить наш курс будет больше невозможно. Осталось 24 часа по самой низкой в истории цене! Только 24 часа цена составляет 9999 рублей.

Эта цена только для тех девушек, которые смотрели на этот курс, хотели его, но не могли его себе позволить. Такой цены больше не будет!

Вы спросите, «и что же, завтра его купить будет невозможно?»

А я отвечу – нет, невозможно. Но скажу по большому секрету, что можно будет купить и завтра. Но лучше сегодня, потому что я уже настроилась на ваш финансовый поток. А завтра мне нужно будет настраиваться заново.

Да, я понимаю, что для многих и это большая цена. Но и вы поймите, что этот курс никогда не будет стоить дёшево.

Мы всегда находим деньги на то, что для нас действительно важно. Вот, например, всегда находятся деньги на еду, на ребёнка или на помощь престарелым родителям. Даже, если их нет, они всё равно находятся. Если человек будет так же относиться к своему развитию, к своему росту – «Мне это надо! Очень надо!» – тогда человек и будет это получать!

Только тогда, когда вам искренне надо – у вас и, значит, у меня будут деньги! И помните, к обучению приступаете сразу после оплаты!»

Ночной клуб «Пионер» был местом, где отдыхают настоящие мужчины. Этих слов, уверенно произнесённых Галушкяном, было достаточно, чтобы Приставкин начал думать о возможных отмазках от посещения сего заведения, но Железный Арни пресёк все Витины попытки проявить малодушие.

– Виктор! Из этого заведения ты выйдешь великосветским львом, уводящим на поводке свою похотливую тигрицу домой, – Галушкян откинулся на маленьком диванчике, разглядывая освещаемый разноцветными вспышками зал клуба взглядом утомлённого непрерывным покорением женских сердец мачо.

– Арчи, я не понимаю. Я живу один, девушки нет. Со мной понятно... Но ты – женатый человек...

– Что – «женатый человек»? А что ты знаешь о семейной жизни?

– Ну... У тебя там жена, регулярный секс дома и всё такое... Зачем это тебе?

– Как связаны понятия «регулярный секс» и семейная жизнь? – Арчи посмотрел на Витю взглядом преподавателя на экзамене.

– Э-э-э, – неопределённо замычал студент-двоечник.

– Вот именно. Никак. В браке секса нет. Есть только непрерывные отношения, которые всё выстраивают и пере-страивают женщины. Оставшееся от перепланировок отношений время занимает воспитание детей.

– Ну, вы же спите вместе и...

– Спим. Но не забывай, что в системе жизненных координат женщины неделю в месяц занимают месячные, неделю – болит голова, полторы недели – «я устала от всего» и ещё две недели – «ты просто не достоин», так как за последний месяц за тобой подвигов не обнаружено.

– Всего пять с половиной недель получилось в месяце...

– пробормотал Витя.

– Вот именно! Где там разместиться сексу? Всё, расслабься.

– Что закажете? – над Галушкяном склонился официант.

– Два виски, – негромко бросил Арчи через плечо и, повернув голову к Приставкину, голосом усталого плейбоя продолжил: – Виктор! Через два часа любая из этих баб будет у твоих ног!

Последняя фраза очень понравилась Приставкину, и он тоже попытался развалиться на стуле, как Галушкян, но чуть не свалился с него. Музыка грохотала. Трезвые пока девицы в полумраке жались по углам. Самые смелые робко подтанцовывали вокруг горки своих сумок, пытаясь заколдовать Данилу Козловского или хотя бы Ивана Янковского на этот вечер. Судя по сосредоточенности, настроены были серьёз-

но. Меньше чем на Дениса Шведова никто бы не согласился.

Галушкян смотрел в другую сторону. Там за столиком изучала меню симпатичная девушка лет тридцати пяти. Чуть усталый и спокойный взгляд говорил о том, что она знает о жизни чуть больше, чем транслирует канал «Домашний» и диснеевские фильмы про принцев и принцесс.

– Витя, сейчас я покажу тебе мастер-класс. Через пятнадцать минут я уеду с той девчонкой. Ей, правда, не двадцать, но скучать в постели не придётся.

Дон Жуан встал и расслабленной походкой двинулся к её столику.

– Девушка, я могу угостить вас шампанским? – невообразимая харизма брата Шварценеггера из фильма «Близнецы» должна была немедленно вскружить голову девушке.

– Пожалуйста. Давайте бутылочку итальянского. Можно не очень дорогого «Спуманте».

– Меня зовут Арнольд, – Арчи взмахнул львиной гривой.

– Люда. Запишите мой номер телефона.

– Так сразу... Хм... Отлично... – стушевался Арчи.

– Пишите, не стесняйтесь. Сегодня секса не будет. Просто поужинаем и потанцуем. Завтра вы ведёте меня в хороший ресторан. Я люблю морепродукты и итальянскую кухню. Цветов не надо. Сэкономите. Завтра можно секс. Вы как любите сверху или снизу? Я сверху. Полгода вам хватит? Потом ЗАГС. Мне нельзя тянуть с детьми. Сначала – мальчик, а потом – девочка. Я растолстею. Да и вообще с детьми будет

не до тебя. Ты начнёшь изменять с соседкой. Я тебя застукаю, подам на развод, отберу квартиру и выставлю к соседке. Впрочем, она тебя тоже потом выставит.

– У меня нет своей квартиры... – пролепетал Галушкян. – Снимаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.